

Евгений Деменок

Одесситы едят Бурлюку

Часть третья

Давид Бурлюк и Владимир Издебский

Скульптор и организатор художественных выставок Владимир Алексеевич Издебский родился в Киеве, но одесситы традиционно считают его «своим». И это вполне объяснимо. Он жил в Одессе с десятилетнего возраста, посещал рисо-

вальные курсы художника М.М. Манылама, с 1897 года учился в классе Луиджи Иорини в Одесской рисовальной школе, которую осенью 1901 года оставил, не окончив. Он вообще будет многое начинать и потом бросать. В 1902-1903 годах Издебский учился в Мюнхене, в Королевской Баварской академии искусств, у скульптора Вильгельма фон Рюманна. Из Мюнхена он тоже уедет, вернется в Одессу, где в августе 1903-го восстановится в Одесском художественном училище вольнослушателем. Но и тут задержится всего на год, до октября 1904-го,

В.А. Издебский

и училище не окончит. После этого он вновь уезжает в Европу, во Францию и Германию.

Но все же именно Одесса была для Издебского тем городом, в котором у него один за другим рождались новые проекты. Именно здесь он фонтанировал идеями. Поэтому из Европы он снова возвращается в наш город и осенью 1907-го затевает издание газеты «Телеграф», где был редактором и издателем. Газета прекратила существование на второй неделе, после выхода 10 номеров. В ноябре 1908-го по инициативе Издебского вышло три номера журнала «Сколопендра». После выхода третьего номера журнал закрылся.

Ну и подумаешь! Неудачи смущают только слабаков, настоящих мужчин они только закаляют. Не оставивший скульптуры и достигший в ней действительного мастерства Издебский в 1908 году дебютировал на выставке Товарищества южнорусских художников, а в начале 1909 года принял участие в Салоне Сергея Маковского в Петербурге и передвижной выставке киевского журнала «В мире искусств» в Харькове. В том же 1909 году он стал членом основанного Василием Кандинским в Мюнхене «Нового художественного общества». И был приглашен преподавать скульптуру в художественной школе А.М. Манылама, где оставался преподавателем натурального и скульптурного классов до отъезда из Одессы в 1913 году.

Но главным делом его жизни – конечно же, сам он тогда даже не подозревал об этом – стало проведение двух выставок современного искусства, которые известны любителям искусства во всем мире как знаменитые «Салоны Издебского». Подготовку первой выставки он начал в самом начале 1909 года. Во время подготовки первого «Салона» Издебский пригласил Давида и Владимира Бурлюков принять в нем участие. Участие это оказалось для Бурлюков важным вдвойне – благодаря «Салонам» они познакомились с Василием Кандинским.

В сдвоенном 51-52 номере издаваемого Давидом и Марией Бурлюками в Америке журнала «Color and Rhyme», датированном 1962-63 годами (такая датировка журналов не была редкостью, в нумерации вообще нередко была путаница), Бурлюк опубликовал заметку «Наша дружба с В.В. Кандинским». В ней

он описывает знакомство не только с Кандинским, но и с Владимиром Издебским:

«В Одессе у Черного моря скульптор Вл. Издебский... пригласил меня и моего младшего брата Вольдемара прислать свои картины в Одессу на запланированную им выставку. В первый раз я встретил Издебского в Мюнхене, где учился в студии проф. Вилли Дитца и Карла Ажбе. <...> Когда мы прибыли в «Русскую Вену», город французского герцога Ришелье, в многочисленных залах дворца одного из русских магнатов, арендованного Издебским, из высоких окон которого были видны лазурные воды «Эвксинского Понта», уже висели на стенах около 800 картин.

<...> Март в Одессе всегда теплый и солнечный. С Издебским была художница А.А. Экстер – мой близкий друг с 1907, и поэт Гумилев, великий знаток французской поэзии, который остановился в Одессе по пути в Абиссинию. Гумилев был казнен революционерами в 1918 в Петрограде. Издебский представил меня В. Кандинскому, вежливому мужчине с мягким голосом и очаровательными дружелюбными манерами. Он уже был образцом человека рафинированной европейской культуры.

<...> Очень скоро мы увидели, как в большом зале работы братьев Бурлюков, В. Кандинского, А. Экстер расположились рядом с работами Матисса, Дерена, Делоне, Жирье, М. Дени и других наших дорогих парижских гостей. В этом гигантском шоу каждый художник был ограничен 5-7 картинами».

Как обычно, у Давида Давидовича путаница с датами. Николай Гумилев, которого расстреляли не в 1918-м, а в 1921 году, был в Одессе осенью 1908-го (сентябрь и затем октябрь), 1 декабря 1909 и затем в апреле 1913-го. Если упомянутая Бурлюком встреча и была в действительности, то произойти она могла лишь в декабре 1909 года, прямо перед открытием первого «Салона». С Кандинским же Бурлюк мог познакомиться не ранее декабря 1910 года, когда Василий Васильевич приехал в Одессу (в 1909 он не бывал в Одессе ни разу). Собственно о том, что знакомство с Кандинским произошло именно в 1910-м, сам Бурлюк тоже писал неоднократно (например, в 18-м, 31-м и 56-м номерах того же «Color and Rhyme»). При чем тут март – вообще непонятно. Первый «Салон» Владимира Издебского открылся в Одессе 4 декабря

1909 года. Так что, скорее всего, Бурлюки были в Одессе как раз в конце ноября – начале декабря.

«Салоны» Владимира Издебского давно стали легендарными. И это заслуженно – после «Салона Золотого Руна», прошедшего весной 1908-го, это была вторая столь масштабная выставка, на которой российская публика смогла познакомиться с произведениями ведущих современных французских художников, а вместе с ними – и с работами своих соотечественников, находящихся в авангарде художественного поиска и экспериментов. Открывшись в Одессе, «Салон» затем проследовал в Киев, Петербург и Ригу.

Владимиру Издебскому, который для отбора работ ездил в Рим, Париж, Мюнхен и Берлин, удалось отобрать для экспозиции работы самых передовых европейских художников. Дочь Издебского, Галина Владимировна Издебская-Причард, в своей статье «Владимир Алексеевич Издебский на родине и в изгнании. Страницы истории отечественного искусства» писала: «Это были главным образом французские художники парижской школы, члены немецкой мюнхенской группы, «Новая художественная ассоциация»,

Давид Бурлюк

были и несколько итальянцев, и представителей других национальностей. Группа развивающегося модернистского движения парижской школы даже теперь кажется очень представительной, начиная от неоимпрессиониста Синьяка, группы Наби, фовистов и кончая Браком, который уже тогда был кубистом и показал три пейзажа. Среди 37 французских художников (некоторые из них сейчас забыты, но некоторые и сегодня остаются светилами искусства начала XX в.) были Эмиль Бернар, Пьер Боннар, Жорж Брак, Феликс Валлоттон, Морис

Вламинк, Эдуар Вюйар, Альбер Глез, Морис Дени, Кис Ван Донген, Мари Лорансен, Анри Манген, Альбер Марке, Анри Матисс, Жан Метценже, Одилон Редон, Жорж Руо, Анри Руссо, Поль Синьяк, Анри Ле Фоконье и Отон Фриез...».

Был представлен на «Салоне» и футурист Джакомо Балла.

Что касается русских художников, то Издебский постарался сбалансировать представляемых на «Салонах» авторов – наряду с «леваками» Давидом и Владимиром Бурлюками, Ильей Машковым, Аристархом Лентуловым, Александрой Экстер, Алексеем Явленским, Василием Кандинским (работы Ларионова попали на выставку уже в Киеве, Гончаровой – в Петербурге) были представлены работы художников, входивших в привычные и признанные «Мир искусства», «Союз русских художников», Товарищество южнорусских художников. Однако, как и следовало ожидать, именно работы «леваков» вызвали наибольшее внимание и даже скандалы. «Незнакомец» (Б.Д. Флит) в статье «Наброски на лету» (Одесские новости, 5.12.1909) писал: «В «Салоне» три разряда: Правые, средние и левые карти-

ны... Правыми публика любит, средними восхищается, левых – не понимает».

Первый «Салон» открылся в бывшем помещении Литературно-артистического общества – дворце князя Гагарина, и проработал в Одессе до 24 января 1910 года. Давид Бурлюк был представлен на первом «Салоне» 8-ю работами, значившимися в каталоге под № 62-69: «Портрет», «Сирень», «Сад», «Весна», «Весенний свет», «Аллея», «Nature morte» и «Лето» – причем последняя была указана как собственность Владимира Издебского. Владимир представил три работы, обозначенные как «витражи»: «Рай», «Павлин» и «Ландшафт» (№ 70-72). Кроме того, на «Салоне» экспонировались семь работ – в основном этюды – мамы многочисленного семейства Бурлюков Людмилы Иосифовны, которая выставлялась под девичьей фамилией Михневич. Ее работы значатся под № 491-497. Это была первая выставка, на которой были представлены ее работы.

Разумеется, не обошлось без скандала. Шестого декабря на выставку пришел «отец» южнорусских художников Кириак Костанди, у которого произошла словесная перепалка с Издебским. На замечания Костанди о развесе Издебский заметил, что не тому судить об этом – он ведь «академист». В ответ Костанди в повышенном тоне наградил Издебского нелестными эпитетами. В результате Издебский обратился за защитой к третейскому суду. До суда дело не дошло – Костанди принес свои извинения. Похожий конфликт произошел и в Петербурге с участием еще одного патриарха, Ильи Ефимовича Репина. Приглашенный на выставку Издебским, он был взбешен «левой» живописью и даже опубликовал в «Биржевых ведомостях» резко негативную статью о посещении «Салона».

Столичная критика вообще отнеслась к своим гораздо резче, чем к французам. Вот что писали о Бурлюках: «Много старых знакомцев: братья Бурлюки тоже здесь, но у импрессионистов они являются премьерами, а в «Салоне» Издебский запрягал их подалее, где-то в полутемках. Бурлюки нужны, как острая приправа, как перец кайенский, но всяк знай свое место. И в то же время справедливость требует отметить, что Бурлюки представлены здесь куда же выгоднее, чем у импрессионистов. Там они дошли

до крайней точки одичания. А здесь плетутся в арьергарде за Явленскими, Ларионовыми и компанией».

Под «импрессионистами» здесь имелась в виду прошедшая в марте-апреле в Петербурге выставка «Импрессионисты», на которой совместно выступили группы «Треугольник» и «Венок-Стефанос». Но до этого Бурлюки успели съездить в Чернянку. Увиденные Давидом Бурлюком в Одессе работы французских художников произвели на него большое впечатление. Он пишет Николаю Кульбину в Петербург (6 декабря 1909): «Выставка очень интересна – так много милых французов – прекрасный Ван Донген, Брак, Руссо, Вламинк, Манген, и мн. др. <...> Приехали в деревню поработать до января – ужасно хочется (после французов)».

Первой выставкой сезона 1910-11 годов, в которой приняли участие братья Бурлюки, стала мюнхенская выставка «Нового общества художников», на которую их пригласил Василий Кандинский, увидевший их работы на первом «Салоне» Издебского. Так завязалась дружба, которая приведет Бурлюков в «Синий всадник», более того – в 1915 года Кандинский станет крестным младшего сына Давида Бурлюка, Никифора (Николая).

Осенью 1910 года Давид и Владимир Бурлюки поступают в Одесское художественное училище, причем Давид – во второй раз, после сезона 1900-1901 годов. Осенью 1910-го Владимир Издебский начинает готовить свой второй «Салон», и Бурлюк помогает ему в этом. Галина Издебская-Причард писала: «В Париже ему помогал Мерсеро, в Мюнхене – Кандинский, в Москве и Петербурге – Давид Бурлюк, Ларионов и Камышников».

В декабре Бурлюк встречается с Кандинским: «У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии».

Второй «Салон», прошедший в Одессе с 6 февраля по 3 апреля 1911 года по адресу улица Херсонская, 11, стал бенефисом русских «левых». Первоначально открытие планировалось на октябрь 1910-го, но в процессе подготовки этот план изменился. Коммерческая неудача первого «Салона» в Риге, а также тот факт, что публика покупала работы в первую очередь русских художников, заставила Издебского изменить стратегию. Он не мог позво-

лить себе собирать работы французских, итальянских, немецких живописцев – исключение коснулось только мюнхенской группы русских художников во главе с Василием Кандинским. Издебский решил сосредоточиться исключительно на русских авангардистах. Это не могло не отразиться на реакции публики и критики.

Василий Кандинский выставил у Издебского 54 работы, Наталья Гончарова – 24, Михаил Ларионов – 22, Илья Машков – 17, Петр Кончаловский – 15. Вообще, второй «Салон» значительно отличался от первого. Среди новых художников были Роберт Фальк, Владимир Татлин и Георгий Якулов. Всего в каталоге было заявлено 57 художников с 425 экспонатами. Из иностранных художников в выставке участвовала только Габриэле Мюнтер.

Давид Бурлюк представил 26 работ, обозначенных в каталоге под № 12-37 (интересная деталь – среди работ Давида Бурлюка была одна с названием «Ланжерон»). Вообще семья Бурлюков была представлена на втором «Салоне» практически полностью – из рисующих отсутствовали только работы Людмилы. Владимир Бурлюк представил 12 работ, обозначенных в каталоге под № 38-49. Людмила Иосифовна представила пять работ (в каталоге под № 289-299, № 293-298 в каталоге отсутствуют); кроме того, в отделе детских рисунков (замечательная инициатива Издебского) среди прочих были представлены работы двенадцатилетней Надежды Бурлюк. Работы «левых» на втором «Салоне» вызвали скандальную реакцию в среде местной публики. Это была уже не просто критика – произведения Гончаровой, Ларионова, Кончаловского, Владимира Бурлюка и Кандинского были попорчены чернильными карандашами.

Наибольший поток критики и вообще внимания привлекли работы Владимира Бурлюка. Критика назвала его «enfant terrible» «Салона». Именно его портреты Владимира Издебского, Михаила Ларионова и Аристарха Лентулова наделали столько шума, что были даже отображены в шаржах различных авторов. Возмущенные критики соревновались в негативных эпитетах. Например, вот что писал Альцест [Е. Генис] в своей статье «В «Салоне» В.А. Издебского»: «Но все-таки как далеко ни шагнул в «новаторстве» г. Д. Бурлюк, брату его удалось уйти еще дальше. Молодой художник успел окончательно перешагнуть за черту, отделяющую

наши художественные и эстетические принципы и восприятия от вкусов и прихотей дикаря или душевнобольного. Таковы его знаменитые в своем роде портреты Вл. Издебского (№ 47), художников Ларионова (№ 38), Лентулова (№ 48) и автопортрет (№ 40). Не менее оригинален художник и в качестве пейзажиста. В этом жанре наиболее любопытными являются две его вещи: «Весенний пейзаж» (№ 41) и «Цветущая сирень» (№ 42). Если эта живопись не продиктована только соображениями чисто рекламного характера, то, несомненно, с ней ведаться необходимо не художественной критике, а врачебно-медицинской экспертизе».

Давид Бурлюк представил много работ, написанных в 1905-6-8-9 годах в реалистической манере. Лознгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в своей заметке «Зигзаги» писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <...> Весьма умно сделали устроители «Салона», выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, написанные с прежней манерой». Сергей Зенонович Луцик в книге «Одесские «Салоны Издебского» и их создатель» пишет о том, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в «Салонах». «Фактически – персональная выставка к экзаменам!» – пишет С.З. Луцик.

Сам Давид Бурлюк вспоминал, что на выставке были проданы почти все его «отмеченные отчаянным реализмом» украинские пейзажи, написанные в 1904-1905 годах. И действительно, Бурлюк был одним из самых продаваемых авторов второго «Салона». «Одесские новости» писали: «Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в «Салоне», очень бойко продаются». Среди приобретенных названы, в том числе, девять работ Давида Бурлюка. Продан был даже вызвавший столько шума портрет Владимира Издебского работы Владимира Бурлюка. Вообще, успех второго «Салона» превзошел все ожидания – выставку посетило более трех тысяч человек. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», – писал «Одесский листок» 11 марта 1911 года.

Давид Бурлюк принимал также участие в организованном Владимиром Издебским публичном диспуте «Новое искусство, его проблемы, душа, техника и будущее». Диспут состоялся в зале «Унион» на улице Троицкой, 43. Собственно говоря, Бурлюк принял участие в прениях, так как основными докладчиками были доктор философии А.М. Гринбаум («К философии современного искусства») и сам Владимир Издебский («Новое солнце» (от академизма к импрессионизму)). Вот что писали одесские газеты о прошедшем вечере:

«Вечер в зале «Унион» <...> раскололся на две половины: пасмурную – лекции А.М. Гринбаума <...> и В. Издебского <...> и оживленную – словопрения, в которых приняли участие: гг. Бурлюк, Гершенфельд, Инбер, Нилус и Пильский» («Одесский листок», 02.04.1911 г.).

«В прениях приняли участие Д. Бурлюк, М. Гершенфельд, Н. Инбер, П. Нилус и П. Пильский. Они не имели вида диспута, а походили скорее на ряд самостоятельных лекций <...> Г-н Издебский отказался их резюмировать» (Одесские новости, 02.04.1911 г.).

Это первое упоминание об участии Давида Бурлюка в публичном диспуте о современном искусстве – пусть пока только в прениях. Вскоре эта часть его таланта раскроется в полной мере.

О приятельских отношениях Бурлюков и Владимира Издебского можно судить по ряду моментов. Во-первых, к началу первого «Салона» Владимир Издебский уже владел работами Давида Бурлюка – под № 69 в каталоге работа «Лето» значителен как собственность В. Издебского. Во-вторых, на втором «Салоне» сам Издебский представил скульптурный портрет Давида Бурлюка, а Владимир Бурлюк представил портрет Издебского, наделавший немало шума и известный нам сегодня только по шаржам И. Гохмана и Mad (М.А. Дризо). Эти приятельские отношения были несколько омрачены эпизодом невозврата картин после второго «Салона». Дело в том, что еще по результатам первого «Салона» Издебский понес убытки, и по результатам второго они только усугубились. Еще 9 октября 1910 года Василий Кандинский, который был тогда в Одессе, писал Габриэле Мюнтер: «Ко мне завтра придут Издебский и Давид Бурлюк. Издебский задолжал за первый «Салон» 4000 рублей и теперь живет более чем скромно».

Владимир Издебский

А 30 ноября 1910 года Кандинский уже писал Мюнтер о том, что на ряд работ с «Салона» был наложен арест, чтобы покрыть долги. Сам Бурлюк в один и тот же день 27 августа 1911 года писал Кандинскому и Николаю Кульбину об этом: «В.А. Издебский возбудил против себя сильно русских художников: не отдает до сих пор работ» (Кандинскому) и «Издебский бежал из Одессы: писал, что за границей, я думаю, жид врет: где-либо в Бердичеве. <...> Я своих работ, к своему сожалению, не могу получить» (Кульбину).

Этот антисемитский пассаж (притом, что Издебский был католиком) крайне неприятен в устах Бурлюка, который сам, оказавшись в Америке, первое время намекал на свое еврейское происхождение, пытаясь приспособиться к тамошней среде.

Через некоторое время не только Бурлюк, но и Владимир Издебский оказываются в Америке (Бурлюк в 1922-м, Издебский – в 1941 году). Лично пообщаться им там не довелось, но они обменивались письмами. Бурлюка, который во второй половине жизни скрупулезно собирал все сведения о своей бурной деятельности в России, в первую очередь интересовали сведения о «Салонах». 16 июня 1955 года Издебский ответил ему в письме, которое было в дальнейшем опубликовано Давидом Давидовичем в 55-м номере «Color and Rhyme» с подзаголовком: «Об исторической выставке 1910-11. Салон. Письмо Вл. Издебского»:

«Да, да, дорогой Друг, Давид Давидович. Очень нехорошо, что я так долго не отвечал на письмо; но не надо забывать, что в мае месяце этого года пошел 75-й год моей очень сложной и запутанной жизни, и наступило время болезням всяким и прямо усталости в борьбе за жизнь. Да и работаю я над скульптурой очень

много и порядком устаю. А сейчас еще увлекся живописью; лучше поздно, чем никогда, сказал турок, когда его посадили на кол. Вот и я взялся за письмо.

Отвечаю немного, т. к. память за 45 лет изменила мне.

Выехал я за границу для организации Салона в 1908 году и вторично в начале 1909 года. Был в Риме и Вене, где виданное меня не удовлетворило, и я оба раза останавливал свой выбор на французских художниках в Париже, где мне помогал Александр Мерсеро, которого я и сделал своим уполномоченным.

Первая Интернациональная выставка была открыта в Одессе – на какой улице, не помню, но только могу указать, что этот Салон помещался рядом с Публичной библиотекой; второй Салон, только русских художников, помещался на Софиевской и открылся в конце 1910 г. и после Одессы переехал в Николаев, где и прекратил свое существование, т. к. я на обеих выставках понес убыток в несколько тысяч рублей (около пяти тысяч) (память действительно изменяет Владимиру Алексеевичу – рядом с Публичной библиотекой помещался как раз второй Салон, и помимо Николаева он был показан в Херсоне. – **Прим. автора**). В расходы входили поездки за границу, пересылки со страховой за границу картин, наем помещений, реклама, каталоги, служащие и пр.

Понятно, я не могу помнить время отсылки картин, в особенности французов, и, главным образом, потому, что этим занимался второй секретарь П. Панайоти, который исполнял эти свои обязанности – как я уже после понял – не вполне добросовестно.

Вот и все, что я могу ответить на Ваши вопросы, и то благодаря чудом сохранившемуся каталогу. На отдельных листах Вы найдете список

Владимир Издебский. «Голова». 1945 год

Владимир Издебский. «Композиция с портретом жены художника»

французских художников, участвовавших в моем первом Салоне, маршрут, даты открытия и закрытия выставки в разных городах, а также перечень картин Давида и Владимира Бурлюка.

В моей довольно большой библиотеке имеются: каталог выставки «Треугольник» и группы «Венок», Д. Бурлюка «Ван Розен»*, «Ошима», «Морская повесть», Э. Голлербах «Поэзия Давида Бурлюка», Н. Кульбин «Свободная музыка» и Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец», а также несколько номеров «Колер энд Райм».

Вот и все, что я могу сказать на этот раз. Понятно, не могу не пожалеть, что мой сподвижник по Салону Давид Бурлюк не пришел на мою первую выставку здесь в Нью-Йорке. Не знаю, может, удастся где-нибудь устроить свою самостоятельную выставку, но пока у меня нет для этого презренного металла. Может, дадите какой-нибудь практический совет. Отзывы о моем первом выступлении в американской прессе все были благожелательны.

*Сердечный привет всей талантливой семье,
Искренне любящий Вл. Издебский».*

В фонде Бурлюка, находящемся в исследовательском центре специальных коллекций библиотеки Берда в американском Си-ракузском университете находится машинописная рукопись этого письма. Вполне возможно, письмо было перепечатано женой Бурлюка Марией Никифоровной – это была стандартная форма

* Давид Бурлюк написал очерк о жизни и творчестве родившегося в Киеве и эмигрировавшего в 1923 году в США театрального художника и критика Роберта Ван Розена (1904-1966), который в 1926-28 годах был куратором нью-йоркского Музея Рериха.

подготовки материалов для журнала. Дата, указанная на письме, меня смутила. Издебский был одногодком с Бурлюком, он родился 22 мая (3 июня) 1882 года. Соответственно, в 1955 году ему никак не могло исполниться 75 лет, ему было семьдесят три. Возможно, эта ошибка возникла именно при перепечатке.

В ответ на письмо Издебского Бурлюк пишет ему уже 20 июня 1955 года: «...Мы были February, March на Кубе. Теперь там моя выставка 53 работы – написал их с 1-го января (1955) по 22 марта того (сего) года. <...> Выставка под покровительством правительства Кубы. Один друг из Москвы (1913) S.M. Vermel – все это организовал. Жизнь коротка – а друзей мало!..» В другом письме от 14 июля 1955 года Бурлюк пишет Издебскому: «...Посылаю вам каталог моей выставки на Кубе: «Palacio Belles Artes». June 3-30... Устроитель ее (директор Вермель), мой друг из Москвы... С.М. Вермель – поэт, актер (ученик Мейерхольда), он выпустил книжку стихов с моими рисунками в Москве в 1914 году».

Как видим, от былых обид не осталось и следа.

Безусловно, для Издебского, который из-за недостатка средств на много лет оставил скульптуру (из России он эмигрировал в 1919 году, с 1920 по 1941 жил в Париже, откуда уехал в США, где в 1942-м наконец вернулся к занятиям скульптурой), Давид Бурлюк представлялся весьма успешным художником. Начиная с 1941 года у Давида Давидовича практически каждый год проходили персональные выставки в нью-йоркской «ACA Gallery», работы активно продавались, у Бурлюков был дом в Бруклине и летний домик на Лонг-Айленде... Но всего этого пришлось добиваться двадцать лет – тяжелых и полуголодных.

Судя по всему, выставка, на которую не пришел Бурлюк, была коллективной. А вот персональная выставка живописи и скульптуры Владимира Издебского состоялась уже с 14 по 28 августа 1965 года. Она стала первой и последней его персональной выставкой в США. Спустя шесть дней после открытия, 20 августа, он скоропостижно скончался. Владимиру Издебскому было семьдесят три года.

Две недели спустя вдова Издебского Бронислава отправила Давиду Бурлюку короткое письмо:

«Long Beach, September 3rd, 1965

Многоуважаемый Давид Давидович!

Зная о Вашей близости к Володе, по его рассказам, и о совместной работе в начале вашей общей художественной деятельности, мне хочется лично сообщить Вам о постигшем меня большом горе, несмотря на то, что Вы уже, вероятно, знаете о внезапной смерти Володи.

Он был очень тронут и рад Вашему письму с поздравлениями по поводу открытия выставки, и мне жаль, что Вы не имели возможности увидеть лично его и плоды последнего расцвета его всеобъемлющего таланта.

Прошу передать искреннюю благодарность Вашей уважаемой супруге за присылку книги «Записи нашей жизни в САСШ».

С искренним уважением,

Бронислава Издебская

B. Izdebsky

341 West Market str.

Long Beach, N.Y. 11561

Tel.: Gel - 0672».

Исследуя переписку Давида Бурлюка, не перестаешь удивляться его умению поддерживать заинтересованные и дружеские контакты с огромным количеством самых разных людей. «Нужно ответить все письма», – было его принципом, его мантрой. Он отвечал быстро, щедро делился плодами своих литературных и публицистических трудов – сборниками и журналами «Color and Rhyme». Публикуемые письма – лишь крошечная часть его эпистолярного наследия.

